

Librarium

ФАДДЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

РЕЛИГИЯ
ЭЛЛИНИЗМА

РИПОЛ КЛАССИК

Фаддей Францевич Зелинский

Религия эллинизма

Серия «Librarium»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68043247

*Религия эллинизма:
ISBN 978-5-386-14314-5*

Аннотация

Очерк «Религия эллинизма» Ф. Ф. Зелинского, классика отечественного антиковедения, можно считать продолжением «Древнегреческой религии» – исследовании о корнях религиозных таинств древних греков, архетипах и культуре. Фаддей Францевич приводит множество переводов величайших философов, литераторов и общественных деятелей. Доступное и увлекательное описание верований, мифов, тайных культов, игр, повседневной жизни древних греков позволяет приблизиться к великой эпохе Аристотеля и Александра Македонского.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава I	5
§ 1	6
§ 2	11
§ 3	17
§ 4	26
Глава II	30
§ 5	31
§ 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Фаддей Францевич
Зелинский
Религия эллинизма**

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2021

Глава I

Введение

§ 1. «Древнегреческая религия» – Новая задача. – Иллюзия продолжности. – Последовательные разрезы. – § 2. Понятие эллинизма. – Условия его возникновения. – Культурное объединение эллинских племен. – Падение междуэллинской гегемонической идеи. – Централизующая сила извне. – Эллинизация «варваров». – § 3. Распад державы Александра Великого. – Македония. – Фрако-фригия. – Галлы и Пергам. – Царство Селевкидов. – Египет. – Судьба эллинизма в этих государствах. – Коренная Греция. – Поглощение эллинистического мира Римом. – § 4. Религия эллинизма. – Процесс религиозного становления. – Путь исследования. – Религиозное чувство и конфессионализм. – Интерконфессионализм и супраконфессионализм

§ 1

Мой очерк о древнегреческой религии был представлен читателю как самодовлеющая обработка определенной и замкнутой в себе темы; это значение я и теперь желал бы за ним сохранить. От историзма я в нем сознательно отвлекся; не оспаривая его прав в руководстве большого объема и строго научного характера, каковое и поныне составляет долг всенародной филологии по отношению к исследователям и читателям, я там поставил себе более скромную и не менее заманчивую задачу – изложить в поперечном разрезе сущность греческой религии в период расцвета греческого народа, в тот период, когда он дал миру Софокла и Платона, Фидия и Праксителя. Если мой труд был не напрасен, то читатель моего очерка знает, что религия, которую исповедовали эти люди, никоим образом не может быть причислена к религиям низшего достоинства, к «языческим» в той окраске, которую иудейская нетерпимость придала этому слову; и если мы сохраняем его как подчас удобный термин, то, конечно, без той окраски и исключительно в угоду обычаю.

Думаю, однако, и даже знаю, что на мою долю достался еще другой успех, не имевшийся у меня в виду, но тем более отрадный. Отдача худшего за лучшее ни в ком не возбуждает удивления; но чем прекраснее и совершеннее представилась моим читателям очищенная от пыли и паутин религия со-

временников Перикла и Демосфена, тем неотвязчивое становился вопрос: да как же объяснить, что культурное человечество решилось ею пожертвовать, решило отказаться от своего, родного в пользу пришлого, в пользу учения, занесенного к нему с далеких берегов Иордана, да к тому же еще выходцами из народа, отнюдь не пользующегося его уважением и расположением? – Этот вопрос совпадал с тем, который я сам себе ставил уже давно, с тех самых пор, как перестал смотреть на античную религию через установленные нашей традицией очки.

Формула, в которой я сосредоточивал ответ для себя и своих слушателей и читателей, что «античная религия – это и есть настоящий ветхий завет нашего христианства», могла скорее подзадорить, чем удовлетворить нашу общую любознательность; к тому же, она сама по себе своей необычностью вызывала недоумение. Правда, это не была формула предвзятая: в своем двухлетнем университетском курсе, не раз повторяемом, я делился со своей аудиторией теми фактическими материалами, из которых она была мною извлечена. Но то была университетская молодежь, своего рода кружок или круг посвященных; раз сама формула была вынесена наружу, возникал неоспоримый долг, в предупреждение указанного недоумения, дать ей в сопровождение и подтверждающий и основывающий ее материал. А при таком понимании задачи элемент эволюционизма, старательно устраненный из вышеназванного очерка, заявлял о своей

наличности и о своих правах.

Все же я не решился приступить к той истории античной религии, о которой мечтал некогда, когда еще надеялся, что мне будет дозволено провести вечер моей жизни в тихой работе над излюбленными задачами, в постоянном плодотворном общении с товарищами по специальности в западном мире. Вышло иначе, а жизнь не ждет – и подавно не ждет и смерть, даже напротив. Приходится ставить себе задачи в зависимости от возможности их исполнения – и ограничиться, вместо сплошного продольного разреза, рядом поперечных, но произведенных так, чтобы они, сопоставленные, создавали хоть иллюзию продольности.

При такой постановке задачи мой очерк о древнегреческой религии, не утрачивая своего значения как самодовлеющее изложение этой религии для V и IV вв. до Р. Х., станет в то же время и первым поперечным разрезом через всю историю античной религии вообще. Для второго мы перешагнем через три столетия: они дали эллинской культуре победу надо всем ближневосточным миром, а это в свою очередь повело к взаимному проникновению греческой и восточной религий, к эллинизации восточных и ориентализации греческой; результатом этого двойного процесса была та религия эллинизма, изложению которой посвящен настоящий очерк. Этот поперечный разрез будет произведен, согласно сказанному, для I в. до Р. Х., накануне зарождения самого христианства.

В сущности, к этим эллинизирующимся и ориентализующим религиям греческой вселенной принадлежит и религия того народа, который расположился на берегах Иордана; но ее важность для позднейшего христианства не позволяет излагать ее наряду с религией какой-нибудь Великой матери, не говоря уже о том, что ее неорганическое включение в «религию эллинизма» непомерно увеличило бы объем посвященного последнему выпуску; она, поэтому, будет предметом следующего очерка, числом третьего, носящего заглавие «Эллинизм и иудаизм». Оговариваюсь теперь же, что под иудаизмом, в отличие от древнего Израиля, с одной стороны, и еврейства, с другой, здесь разумеется исключительно средний период в религиозном развитии еврейского народа, эпоха второго храма, как ее тоже называют, между возвращением из вавилонского пленения и разрушением иерусалимского храма – только эта эпоха испытала сближение с эллинским миром, только она имела важность для зарождающегося христианства. Все же она не вся войдет в наше изложение: поперечный разрез и здесь будет произведен для I в. до Р. Х.

Греческую вселенную сменила римская; но прежде, чем перейти к ней, необходимо будет навестить религию того народа, который наложил на нее свою государственную печать. Четвертый очерк, поэтому, будет посвящен религии республиканского Рима. По времени он будет параллельным обоим предыдущим, т. е. поперечный разрез и тут будет произведен для I в. до Р. Х., для эпохи Цицерона. Вслед за

тем наступило под сенью императорской власти культурное объединение римского Запада с греческим и негреческим Востоком; для этой римской вселенной христианство было предначертанной религией; но прежде, чем найти в нем свое успокоение, она из совокупности своих религиозных сил создала нечто своеобразное, отличное и от предыдущего и тем более от того, что последовало. Эта религия вселенской империи – примерно эпохи Диоклетиана, т. е. конца третьего века по Р. Х. – и должна составить содержание пятого очерка. И, наконец, шестой даст завершение здания – раннее христианство, но все же не совсем раннее, а определившееся в своей идее, каковым его знала эпоха непосредственно после окончания арианского спора.

Таков план; удастся ли его выполнить – покажет будущее.

§ 2

Бывают брахилогии¹ содержания, как и брахилогии формы; к первым принадлежит ходячее мнение, что та греческая вселенная, религиозным показателем которой была представленная в этом очерке совокупность верований и культов, возникла вследствие побед Александра Великого. Я не возражаю против нее; но, будучи вполне хороша во всемирно-исторической схеме, она требует известного, так сказать, разрешения в более обстоятельном изложении. Такое должно состоять в указании подготовительных процессов, предшествовавших решающему удару царя-завоевателя и обусловивших его успешность.

Как читатель мог заметить, мы пользуемся в настоящем очерке словом «эллинизм» в значении, не только не совпадающем со значением слова «эллиństwo», но отчасти даже противоположном ему. Эту дифференциацию ввел двумя поколениями перед нами Дройзен; хороша ли она или дурна, это другой вопрос, ставить который уже поздно: она привилась и приходится ею пользоваться наравне с прочей научной терминологией.

Религией эллинства была именно представленная в пер-

¹ Брахилогия (*греч.* Brachys – краткий, logos – слово) – краткая речь, в филологии – замена длинного оборота речи коротким. Здесь имеется в виду усечение как таковое. – *При-меч. ред.*

вом очерке: она была многообразна в своем расщеплении, соответствующем расщеплению самого народа, и лишь выдающаяся культурная роль Афин в V–IV вв. дозволила нам сосредоточить свой интерес на них и изобразить афинскую религию указанного периода под именем древнегреческой. Переход эллинства в эллинизм – переход медленный и постепенный, как и всякое прочное историческое становление – совершился в ряде одновременных процессов, сплетающихся друг с другом и взаимно друг друга обуславливающих, из которых главными были следующие.

Первым было постепенное объединение отдельных эллинских племен, совершающееся как в массах, так и в малочисленных, но влиятельных кружках. То «аттическое государство», которое было политической сигнатурой пятого века после освободительных войн, объединило Афины со всем почти ионийским миром, правда, этим самым еще более подчеркивая его антагонизм с тоже эллинской зарубежной стихией. Причины экономического характера заставляли эллинскую молодежь искать службы, преимущественно военной, вне пределов собственной Эллады; припомним те десять тысяч храбрецов, которые последовали за знаменами Кира Младшего в его не очень почтенный поход против своего старшего брата. Это были выходцы из разных стран; беотиец сражался рядом с афинянином, с лакедемонянином; их родные государства воевали друг с другом, но они чувствовали себя товарищами в виду окружающих их варварских

народов, чувствовали себя эллинами, поклоняющимися тем же богам, говорящими почти что на одном и том же языке и, во всяком случае, понимающими друг друга без толмача. То были грубые души; пусть, хотя все же среди них был и Ксенофонт. Но того же Ксенофонта история показывает нам и в другом обществе – товарищем афинян Антисфена и Платона, но и фиванцев Симмия и Кебета, и мегарца Евклида, и элидца Федона, и Аристиппа из далекой африканской Кирены.

Много ли осталось от эллинской расщепленности в этой дружеской атмосфере, созданной теплым словом Сократа? А далее – Платон и его Академия, Исократ и его риторическая школа, Аристотель и его Ликей, ряд культурных центров, сглаживающих племенные различия в угоду общеэллинской солидарности. Это и была та эллинская стихия, с помощью которой Александр и его преемники подчинили себе культуру завоеванного азиатско-африканского мира.

Конечно; но для этого все же был нужен Александр. А для того, чтобы возник Александр, нужно было предварительное падение междуэллинской гегемонической идеи, составившей добрую часть содержания политической истории Эллады в IV веке. Афины еще в конце V века потерпели крушение со своей великодержавной в тогдашнем и тамошнем масштабе политикой; прекрасно. Но что же будет дальше? А дальше будет то, что станет невозможна гегемония уже не только Афин, но и всякого эллинского государства, так как

против каждого, претендующего на такую, образуется коалиция из ближайших к нему по могуществу, и этой коалиции ему не одолеть. Спарта требует для себя гегемонии после падения Афин – ее союзники Коринф и Фивы объединяются с ее врагами Афинами и Аргосом и впутывают ее в «Коринфскую войну», после которой – несмотря на ее сравнительно благополучный для нее исход, – Фивы торжествуют над ослабленной носительницей гегемонии. Фивам многое удается, благодаря гению Эпаминонда; но их успех сближает Афины со Спартой, и фиванская гегемония не доходит до своего осуществления. Правда, Эпаминонд восстанавливает поработленную Спартой Мессению, объединяет против той же Спарты Аркадию, создает для обеих областей центральные города – Мессену в Мессении, Мегалополь в Аркадии, – но политическим последствием этих мер было не упрочение фиванской гегемонии, а только окончательное разрушение спартанской. После гибели Эпаминонда, схоронившей надежды его родины, Афины могли бы вновь занять былое место; но даже тот небольшой перевес, который они получили, поднял против них их ближайших союзников, и к середине IV века крушение междуэллинской гегемонической идеи было уже совершившимся фактом.

Централизирующая сила не могла явиться изнутри – она пришла извне; ее носительницей стала не республика, а монархия. Филипп Македонский восторжествовал там, где изнемогли в непосильной борьбе Афины, Спарта, Фивы; по-

сле двадцатилетней междуэллинской анархии умный македонский властитель заставил себя признать гегемоном эллинов в походе против варваров, уже в течение двух поколений владевших жемчужиной эллинского мира – Ионией. Осуществить этот замысел, вследствие его ранней смерти, пришлось его сыну Александру Великому; осуществление же было таково, что не только Иония, но и весь ближний Восток до границ Индии и Египет подчинились вождю эллинов. Правда, еще более ранняя смерть также и этого победителя раздробила только что объединенную вселенную; но и в занявших ее место греко-восточных государствах правящим элементом стала эллинская по языку элита, руководимая македонским монархом.

То были правящие; а кто же управляемые? Вполне ли чуждыми явились эллинские пришельцы в принявшую их поневоле варварскую среду? И тут надо сказать, что IV век в значительной степени подготовил то, что расцвело в III. Иония была связана морскими путями с коренной Элладой, но сухопутными – с персидской монархией; к тому же пограничные с нею провинции – Фригия, Лидия, Кария – уже с давних пор успели подчиниться культурному превосходству эллинского гения. Греческие художники, не находившие поля для своего таланта в своей оскудевшей родине, охотно следовали заманчивому призыву анатолийских князей и правителей; их резиденции украшались памятниками греческого искусства, и мы легко можем себе представить, как заразитель-

но пример властителей действовал на вельмож, пример вельмож – на прочих; ученые, в особенности медики из последователей Гиппократы, были почетными гостями даже царского двора; предприимчивые торговцы тоже охотно следовали туда, куда их звала надежда на прибыль, почти несомненная при их веками воспитанной изворотливости. Все эти люди цепко держались друг за друга, переносы и на чужбину круговую жизнь своей родины; но они не чуждались и туземных элементов, поскольку таковые сами не относились к ним слишком нетерпимо. Так постепенно, шаг за шагом, вступала греческая культура в пределы азиатской монархии; почва была уже в значительной степени подготовлена, когда несокрушимые фаланги Александра Великого разнесли последние перегородки между греческим и восточным миром и дали эллинской культурной идее прочное положение в бывшей персидской державе.

§ 3

Ближайшее сорокалетие после смерти Александра до битвы в равнине Кора (281 г.)², симметрично разделенное на две половины битвой под Ипсом (301 г.), было временем хаотического бурления в завоеванной территории, продолжением хаотической борьбы греческих государств за гегемонию.

Идею гегемонии сменила идея объединения монархии, и масштаб из узкоэллинского стал мировым в смысле тогдашней греко-восточной вселенной; но впрочем мы имеем тот же роковой закон – претендент на венец Александра этим самым объединяет против себя остальных и гибнет в неравном бою. Антипатр, Антигон, Селевк – все трое чередуются на мировой арене с неизменно одинаковым успехом. Быстра карьера первого; Антигона уносит Ипс, Селевка – равнина Кора.

А кругом них сколько других выходцев из того же Александрова гнезда – все способны, все могучи, все запечатлены печатью имморализма. На то это македонцы, продолжатели нравственности Архелаев, Аминтов, Филиппов. Жутко становится при чтении их деяний, столь несогласных с душою подлинного эллинства; сыновья убивают мать, отец убивает сына, вассалы убивают царей, воинство покидает вождя,

² Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, имеется в виду до н. э. – *Примеч. ред.*

браки заключаются и расторгаются по требованию минуты, царства сколачиваются почти в одну ночь и разваливаются в следующую.

История, достойная пера Тацита, находит в лучшем случае какого-нибудь Дурида Самосского, да и его изложение мы вынуждены восстанавливать из производных источников. Религиозные итоги этого бурления мы в свое время подведем; здесь необходимо вкратце подвести политические.

Держава-мать огромной империи, Македония, не в состоянии осуществить свои права на нее; даже ее влияние на покоренную Филиппом Грецию оспаривается могучим Антигоном и его смелым сыном, Деметрием Градоосаждателем. Вскоре она и сама делается яблоком раздора между полководцами. Сын Антипатра, Кассандр, ненадолго переживает Ипс; спертая между Эпиром с запада и фрако-фригийским царством Лисимаха с востока, она достается то ему, то Пирру, то вышеназванному Деметрию, но получает ее в конце концов, вскоре после решающей битвы в равнине Кора, сын Деметрия, Антигон Гонат, основатель династии македонских царей, Антигонидов.

Восточная соседка Македонии, управляемая Лисимахом Фрако-Фригия вырастает после Ипса за счет анатолийского царства Антигона и, благодаря своему выгодному положению на проливах и обладанию высококультурной Ионией и прилежащими эллинизованными провинциями, обещает стать руководящим членом эллинистической семьи; но ги-

белль Лисимаха в равнине Кора и начавшееся вслед за этой битвой нашествие галлов разрушили эти мечтания. Галльский поток залил это государство, омывая, однако, Пергамскую скалу, на которой засел умный Филетер. С этой скалы и поднялся со временем тот полководец, который вогнал этот поток в его позднейшее русло вокруг нынешней Ангоры и подчинил новообразовавшуюся варварскую «Галатию» эллинскому царству Атталидов; но это случилось приблизительно через сорок лет после Кора – в ущерб той династии, которая рассчитывала завладеть наследием Лисимаха, династии преемников Селевка. Царство Селевка – третье числом среди эллинистических – возникло как-то внезапно из наместничества восточных сатрапий и за счет державы представителя единства, засевшего в Анатолии Антигона; этой естественной и неминуемой враждой и была обусловлена политика Селевка, ведшая его от успеха к успеху, вплоть до торжества на Коре, вскоре после которого насильственная смерть положила предел дальнейшим победам старого Победоносца (Nikator), как его по праву прозвали. Счастливец Антипатра и Лисимаха, он стал основателем династии, подобно своему врагу Антигону, но более надежным и покойным путем: царством Селевкидов стало царство самого Селевка, персидский Ближний Восток. Но удержать его в его полном объеме они не могли. Мы видели уже, как в Анатолии отщепилось пергамское царство Аттала и Атталидов; почти одновременно с ним (около 240 г.) Селевкиды поте-

ряли заевфратскую Персию, образовавшую отдельное парфийское государство Арсакидов. С тех пор их царство почти ограничивается Сирией, имея своей столицей одну из жемчужин эллинистического мира, прекрасную Антиохию на Оронте.

После Македонии и Пергама Сирия была третьим крупным эллинистическим царством; четвертым и главным был Египет с его столицей Александрией. Благодаря проницательности своего первого правителя, Птолемея «Спасителя» (Soter), умевшего и ограничивать свое честолюбие, и отстаивать его облюбованные границы, он первым, непосредственно после смерти Александра, выделился из всеобщего хаоса и зажил мирной культурной жизнью. Недоступные в пределах своего царства, огражденного пустынями и морем, Птолемеи могли бы и вовсе отказаться от участия в эллинистической бойне; но политико-экономические условия заставляли их иметь свою руку в Элладе, если они не желали, чтобы греко-македонская элита рассосалась в окружающей египетской среде. Отсюда их войны за Кирену, за Кипр, за пограничную с Селевкидами «Полую Сирию». Особенно важной по своим религиозно-историческим последствиям была война за последнюю, так как непосредственно задела Иудею; но этот эпизод мы приберегаем для следующего очерка.

Год 240 может считаться веховым для истории эллинистических царств: именно с него определяется их состав, те

четыре державы – Македония, Пергам, Сирия и Египет, – которые мы выделили только что. Неодинакова была судьба эллинизма в этих четырех. Македония стала как бы новой Элладой, но Элладой единой и монархической, в отличие от республиканской раздробленности страны-матери; оба энергичные и талантливые представители власти, занявшие один за другим ее престол после упомянутой смуты, два Антигона – Гонат и Досонт, – с честью поддерживали знамя и эллинизма, и монархизма, и лишь с преемником последнего, известного из войны с Римом Филиппа, началось падение страны. Но сплоченно-эллинской она оставалась и впоследствии, и после своего обращения в римскую провинцию, и ее новая столица Фессалоника, как один из главных городов Балканского полуострова, победоносно донесла свое эллинское наследие вплоть до последнего времени, вернувшего ей ее прекрасное имя после варварских Салоник и Солуни. Пергамское царство тоже было прочным центром эллинизма; греческое само по себе, оно было насадителем греческого языка и культуры также в ближайших областях Анатолии, даже в варварской среде новообразовавшейся Галатии. Его задача была облегчена предыдущим развитием, неудержимо втягивавшим полуостров в круг эллинизма; труднее была задача правителя третьего эллинистического государства, Селевкидов. Но эта трудность уравнивалась поразительной энергией как самого основателя династии, Селевка Никатора, так и его преемников. Будучи убеждены в превосходстве

греческой культуры, они усердно распространяли ее по всему протяжению своего огромного царства, главным образом, путем основания колоний, причем они следовали традициям самого царя-завоевателя, большинство «Александрий» которого пришлось именно на подчиненный позднее Селевкидам Ближний Восток. Первое место, понятно, заняла столица царства, Антиохия на Оронте в Сирии с ее морской гаванью Селевкией; второе – Селевкия на Тигре, наследница величия своего соседа Вавилона. Правда, этот сирийский эллинизм был особого рода: здоровая чистота выходцев греко-македонских гор не устояла против расслабляющего влияния новой среды, и современные ученые не без основания сравнивают этих антиохийских греков с нынешними левантинцами. Труднее всего было положение эллинизма в Египте. Греко-македонский материал, имевшийся в распоряжении Птолемеев, был не особенно многочислен, широкой колонизаторской деятельности они развивать не могли; а с другой стороны, окружающая египетская культура в своей вековой определенности обладала огромной силой сопротивления. Правда, ее органом было жречество, а с ним Птолемеи старались поддерживать хорошие отношения; и, действительно, оно охотно признало новую династию законной преемницей старых фараонов и изображало на своих гранитных памятниках александрийских властителей, не умевших даже говорить по-египетски, в таком туземном виде и облачении, что они, наверное, сами бы себя не узнали. Но все это

была лишь видимость; эллинизм прочно держался лишь при энергичных первых трех Птолемах – Сотере, Филадельфе и Эвергете, – правление которых заняло первое столетие новой власти; начиная же с четвертого, Филопатора, националистическая реакция стала подмывать устои эллинизации, чем далее, тем успешнее: расслабленная кровосмесительными браками династия не могла больше ей сопротивляться. Все же язык администрации остался греческим, и сохранившиеся нам многочисленные памятники обыденной деловой жизни наглядно доказывают, что египетское население, хотя иногда и с грехом пополам, но справлялось с поставленной ему новым положением вещей лингвистической задачей.

Эллинистические государства полукольцом окружали старую коренную Грецию, прямо и косвенно определяя ее дальнейшее политическое развитие; роль ее, материально слабая, благодаря ее культурному превосходству оставалась довольно значительной. С исчезновением пугала гегемонии и междуэллинские войны почти прекратились; Афины и окрепшая Спарта были в течение первого столетия эллинизма довольно важными политическими единицами, но их затмевали, с одной стороны, быстро растущий Родос, эта Венеция эллинизма, умело использовавший свое выгодное островное положение в точке пресечения торговых путей между новыми государствами, а с другой – оба новообразовавшихся союза второстепенных общин: «Этолийский» в средней Греции и «Ахейский» в Пелопоннесе. Когда кончилось

первое столетие после смерти Александра Великого, взоры эллинизма обратились на Запад, с замиранием следя за перипетиями борьбы между обоими гигантами тамошнего мира, Римом и Ганнибалом. Чувствовалось, что от исхода этой борьбы будет зависеть судьба также и восточного Средиземноморья. И, действительно, едва она кончилась победой Рима на рубеже III и II столетий, как началось вмешательство победителя и в его дела; умело используя имевшиеся причины раздора, вражду обоих союзов друг против друга и против Македонии, и Пергама против Сирии, Рим медленно и прочно распространял свою власть в восточном бассейне Средиземного моря. Не успело истечь первое пятидесятилетие II в., как Македония и Греция стали римскими провинциями. Второе отдало ей также и Пергам, уже раньше расширенный за счет Сирии; дело дошло бы и до нее, если бы восточный эллинизм не нашел себе заступника в демонической личности Митридата, царя эллинизованного Понта в задней Анатолии, а с другой стороны, внутренние неурядицы, последовавшие за реформами Гракхов, не отвлекли Рима от его внешнеполитических задач. Но это было лишь отсрочкой: неизбежное все-таки совершилось, и еще до истечения первой половины I в. Помпей обратил и Сирию в римскую провинцию. Оставался Египет, уединенный в своей отчужденности и от греческих, и от римских дел. Эта отчужденность продлила ему самобытную жизнь еще на одно поколение, но не долее: романтическая любовь Антония и

Клеопатры втянула и его в круговорот мировых событий, и в 30 г. до Р. Х. и он подчинился Риму.

Этим круг был сомкнут. Через три столетия после Александра Великого его восточная греческая вселенная растворилась в полной греко-римской.

§ 4

Рим мы, согласно сказанному, пока выключаем из круга нашего внимания. Хотя мы и заняли для своего наблюдательного поста то столетие, когда он уже подчинил себе Балканский полуостров с доброй частью Анатолии и оттуда угрожал Сирии, заглядывая по временам и в Египет, но это вмешательство нас не смутит, так как оно не отразилось еще на религиозной жизни восточного Средиземноморья и на том, что мы назвали «религией эллинизма». Расширяя площадь своего наблюдения шаг за шагом, мы в этом очерке будем иметь дело только с нею, с той своеобразной амальгамой греческих и восточных элементов, которая дала временное удовлетворение человечеству, покинувшему уютный круг своей национальной религии и искавшему религии все-ленской.

С амальгамой... психологической, конечно, но, как показывает уже само выражение, аналогичной определенному металлургическому процессу, механическому по своему существу. Так, значит, создаются религии?

В переживаемое нами время не требуется никакого мужества для того, чтобы на этот вопрос ответить утвердительно: завеса сорвана, с религией не церемонятся. Скорее, требуется мужество для противоположного ответа. А где мужество, там и честь; а где честь, там и...

Но дело не в мужестве и даже не в чести: дело в истине. Истина же та, что религии механически не создаются; механически создаются только те гомункулы, выдаваемые за религии, которые не переживают кратковременной власти своих фабрикантов. Скажу больше: даже органически они не создаются, органически они только видоизменяются в своей оболочке, не в своем ядре. А как же они создаются? Не знаем; это – тайна, столь же непроницаемая, как и тайна зарождения жизни. И если вы хотите быть честным исследователем в области религиозной истории, а не шарлатаном, – первым делом водворите завесу обратно на то место, с которого ее сорвали шарлатаны.

Как автор нынешнего очерка, я приглашаю читателя с собой на путь честного исследования;

этим все сказано, – и прежде всего то, что мы завесы трогать не будем. Правда, этим сказано также и то, что у нас не будет речи о ней и подавно о том, что за ней скрывается; наша задача – исследование, и мы не касаемся того, что не может быть его предметом. Наш путь – трезвый, но не холодный путь науки: никого мы не намерены ни совращать, ни обращать.

Такова же была моя точка зрения и в первом очерке, посвященном древнегреческой религии; но там одна моя фраза могла вызвать и действительно вызвала недоразумение. В ней я приглашал читателя «возжечь в своем сердце яркий светоч религиозного чувства и оставить дома тусклый фо-

нарь конфессионализма»: отсюда можно было вывести заключение, что я старался настроить его враждебно к его вероисповеданию, рекомендуя ему какой-то неопределенный интерконфессионализм, вроде того деизма, которым часть европейской интеллигенции тешила себя в XVIII в. Это заключение неправильно: конфессионализм не есть вероисповедание или конфессия, он отличается от нее именно тем элементом исключительности, который выражается суффиксом «изм». Если бы я осуждал привязанность человека к его вероисповеданию, мне пришлось бы осудить прежде всего самого себя.

Своим сердцем и душой, своей верой, надеждой и любовью я прочно коренюсь в том исповедании, в котором был воспитан с младенческих лет; эта привязанность, однако, была для меня не помехой, а подспорьем к тому, чтобы понимать умом и чувством религиозную жизнь тех многих, отчасти очень близких мне людей, с которыми меня сводила судьба. Мало того, могу сказать по совести, что я мог отдаваться религиозному чувству и испытывать религиозный подъем даже в турецкой тюрьме; но зато никогда не удавалось мне познавать ни того, ни другого в вольнодумческом крематории.

Читатель простит мне эту автобиографическую справку: я спокойно пользуюсь местоимением «я» там, где оно имеет «парадигматическое» значение как в геометрическом рассуждении: «я беру угол ABC...» Интерконфессионализм –

не путь, а преграда, почти такая же, как и атеизм; а то, что требуется – я назвал бы это «супраконфессионализмом» – не исключает конфессию, а наоборот, имеет ее своим предположением. По долгу объективности я должен стараться быть понятным каждому интеллигентному человеку, будь он атеистом или верующим; но суть предмета такова, что первый поймет меня только умом, а второй – и умом, и сердцем. Пусть он только, этот второй, не затрудняет себе понимания предвзятой мыслью, будто симпатическое отношение к религиозным формам, предшествовавшим христианству, т. е. к так называемому «язычеству» – равносильно измене его религии. Мне приходилось читать рассказы христианских миссионеров о религии среднеафриканских дикарей и с удовлетворением отмечать их симпатическое отношение к малейшим зародышам более возвышенного богопонимания и богопочитания у этих пасынков природы; неужели то, что было одобряемо там, должно быть осуждено здесь?

Но это уже взгляд вперед; мы же, естественно, в этом втором очерке должны оглянуться назад. Что религия древних греков V и IV вв. была религией высшего порядка, было доказано в первом очерке; была ли религия эллинизма по сравнению с ней прогрессом или регрессом – это мы увидим в следующих главах.

Глава II

Религия таинств

§ 5. Два течения в древнегреческой религии. – Религия Земли. – Деметра элевсинская. – Элевсин и Дельфы. – § 6. Прозелитизм в религии Деметры. – Гомеровский миф о Деметре. – § 7. Боги элевсинского культа. – Соединение Элевсина с Афинами. – «Дельфийское прорицание». – Шествие в Элевсин. – Иакх-Дионис. – Эвмолпиды, Керики, Ликомиды. – § 8. Талисман Аристомена. – Возрождение Мессени. – Анданийские таинства. – Апостол Мефран. – Таинства Кабириков. – Анданийская надпись. – § 9. Видоизменения культа. – Энна и Рим. – Александрия; гимн Каллимаха и религиозный сентиментализм. – Анатолия, Кизик и Пергам. – § 10. Характер эволюции религии таинств

§ 5

В смущающей многочисленности имен и культов древнегреческого политеизма взору освоившегося с ней наблюдателя представляются два довольно четко отделенных друг от друга течения. Первое – это течение явное, участие в котором не было обусловлено ничем, кроме разве принадлежностью чествующего к соответственной гражданской общине; сюда мы относим большинство государственных культов Греции – и Зевса Олимпийского, и Паллады Афинской, и Аполлона Дельфийского. Но второе – это течение тайное; условием участия в нем было посвящение, посвящение же налагало на того, кто был его удостоен, обязательство – никому из непосвященных не выдавать тех священнодействий, участником и свидетелем которых он сподобился стать; сюда относится тоже ряд культов, хотя и значительно меньший, но особенно два: культ Деметры Элевсинской и культ Диониса, развитый его пророком Орфеем – другими словами, элевсинские и орфические таинства.

Там – Зевс и его обитающая в вечном свете олимпийская семья; здесь – Земля и мрак, полный жутких тайн... жутких, да, но в то же время и утешительных: ведь это же мать-Земля. Мы живем под всевидящими очами Зевса и прочих олимпийцев; но стоит нашему телу покрыться могильной перстью, и мы переходим под власть иных, «хтонических»

богов. Эта двойственность может нас озадачить – и, действительно, христианство ее отвергло.

Но в сознании элина она коренилась твердо – до поры до времени (ниже § 19, кон.).

От Земли Деметра, от Земли и Дионис; обаяние их учения заключалось именно в том, что они раскрывали перед смертным покров подземных тайн и не только удовлетворяли его любознательность, давая ему определенный ответ на мучительный вопрос, что с ним будет после смерти, но и учили его обеспечить себе лучшую участь на том свете. В те отдаленные времена, когда и сами боги еще не сознавались как стражи нравственности, и условия этой лучшей участи были скорее сакральные, чем нравственные, т. е. скорее сводились к исполнению обрядов посвящения, чем к справедливой жизни. Морализация таинств шла вровень с морализацией религии вообще; ко времени расцвета последней она также и в области таинств была совершившимся фактом.

Обаяние их вследствие этого росло и росло, но все же неодинаковым образом. Причиной разницы было то, что элевсинские таинства были прикреплены к определенной общине, к аттическому Элевсину, и имели здесь свой административный центр в виде жреческой коллегии Эвмолпидов, между тем как орфические, распространяемые через странствующих жрецов и пророков, были рассеяны по всей Элладе. Нам теперь трудно решить вопрос, что было выгоднее. Без сомнения, орфизму легче было находить себе по-

клонников, не только среди простого народа, но и среди поэтов и мыслителей, с Пиндаром и Платоном во главе; но чистоту и определенность учения легче было сохранить при наличии центральной коллегии, руководившей действиями своих эмиссаров, благодаря своему авторитету, основанному на преемственности полученного некогда от самой Деметры откровения.

В этом отношении элевсинская коллегия успешно могла соперничать с дельфийской; их положение было одинаково. Внешним образом это соперничество выразилось в том, что именно они – и только они, насколько мы знаем, – имели в прочей Греции своих, так называемых, «эксегетов», т. е. толкователей; засвидетельствовано это, правда, только для Афин, но при скудости наших сведений об организации сакрального дела в других эллинских общинах, заключение по аналогии здесь позволительно. Какова была роль такого эксегета, это нам показывает колебание отца платоновского Эвтифрона. Один его клиент на острове Наксосе в пьяном виде убивает его раба; так вот, хозяин, прежде чем отплатить ему равным, отправляет в Афины доверенное лицо, чтобы узнать от эксегета, как ему поступить. Мы понимаем его колебание: ведь если бы он без соизволения эксегета его казнил – он, как убийца, был бы исключен из участия в таинствах. Отсюда видно, что греческие эксегеты выработали особую систему сакрального права; это их сближает с понтификами в Риме. И те, и другие были не судьями, а скорее экспертами,

но это не умаляет их значения: и здесь, и там суд не мог не считаться с их экспертизой.

§ 6

Имея свой прочный центр в Элевсине, религия Деметры представляет нам две особенности, важные для ее дальнейшего развития. Первая – это та легкость, с которой она могла принимать в себя культы других богов и в известной мере амальгамироваться с ними; вторая – это энергия, с которой она, путем основания подворий, распространялась по прочему греческому миру. Первая обуславливала вторую – в этом состоит характерная черта, отличающая терпимый эллинский прозелитизм от нетерпимого иудейского.

Нам необходимо бросить беглый взгляд на этот прозелитизм: как читатель увидит в дальнейшем, он был действительным началом в возникновении религии эллинизма.

Древнейшую, достижимую для нашего знания, ступень элевсинского культа представляет для нас сохраненный в Московской рукописи «Гомеровский» гимн Деметре; согласно ему, содержание священной драмы будет следующее.

С разрешения Зевса его брат Аид похищает Кору, дочь Деметры, в то время как она играла с девами-океанидами на цветистом лугу. Содействовала похищению сама Земля, произведя чудесный нарцисс; Кора его срывает и этим отдает себя во власть похитителя. Никто не слышит ее отчаянного крика, кроме «нежнодушной» Гекаты и Гелия. Но когда она, уже увлекаемая в глубь земли, крикнула вторично, ее услы-

шала и мать. Она бросилась ее искать; девять дней она ее искала, не зная ни пищи, ни сна; на десятый с ней встретилась Геката и рассказала, что могла – что кто-то похитил Кору, но кто именно, этого и она не знает. С ней вместе Деметра отправилась к Гелию и от него, всевидящего бога, узнала всю правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.